

(1) Известно, что молодёжь овладевает теперь скоростным методом чтения. (2) Моя дочь читает в восемь раз быстрее, чем я. (3) Есть у меня ещё одна знакомая, которая привыкла читать, что называется, по диагонали и ведь успевает схватить основное содержание, информацию, содержащуюся на таких прочитанных страницах. (4) Переспрашиваю, экзаменуя — схватила. (5) И вот даю для эксперимента Аксакова.

(6) Наблюдаю: вот сейчас должна перелистнуться страница, потом другая.

(7) Скоростной метод чтения. (8) Нет, страница не перелистывается. (9) Страница читается медленно, с прочитыванием каждой строки, каждого слова. (10) Только время от времени слышатся восклицания: — Какая прелесть, какое очарование! (И) Слушай, да он волшебник, кудесник!

(12) В первые пятнадцать довоенных лет моей жизни, живя в деревне, учась в средней школе, и я как-то не удосужился прочитать Аксакова. (13) Возможно, и не было его в скудной школьной библиотеке, да и очерёдность... (14) Надо прочитать Пушкина с Лермонтовым, Гоголя с Тургеневым, Некрасова с Гончаровым, хотя бы «Сон Обломова» в пределах школьной программы. (15) Да ещё (уже без школьной рекомендации) — «Три мушкетёра», «Отверженные», «Собор Парижской богородицы», «Человек, который смеётся», «Таинственный остров», «Всадник без головы», «Последний из могикиан»... (16) Да ещё весь Джек Лондон, да ещё «Борьба миров» и «Человек-невидимка»...

(17) Не дошёл черёд до Аксакова. (18) В институтской программе Аксакова тоже не было. (19) Но он существовал, пока ещё не читанный. (20) Во время студенческой прогулки могли забрести в Абрамцево, в бывшее имение Аксакова, связанное мемориально с крупнейшими деятелями отечественной культуры, как-то: Васнецов, Врубель, Серов, Коровин, Поленов, Нестеров.

(21) Но однажды, когда освободилось два часа дневного времени, по какому-то наитию я взял да и пошёл на детский утренний спектакль (пятнадцать шагов от ворот института до входных театральных дверей), а давали в то утро «Аленький цветочек» Аксакова. (22) Там, в сказке, девице-красавице, чтоб перенестись с места на место за тридевять земель, надо было надевать золотое колечко на мизинец правой руки, мне же и колечка не потребовалось. (23) Дело не в театральном представлении. (24) Не первый же раз пришёл я в театр! (25) Да шастали и по киношкам, где тоже ведь можно перенестись на время бог знает куда. (26) Дело всё было в атмосфере сказки, в той ласковой русскости, в которую я погрузился и которая тотчас пробудила в душе добрые и светлые чувства. (27) Так резок был контраст, так велико расстояние от атмосферы до атмосферы, от климата до климата, от чувств до чувств, что сидел не дыша, замороженный, ошеломлённый, ошарашенный, чувствуя, как чем-то тёплым и светлым омывается душа.

(28) Если бы меня попросили назвать главное качество аксаковских книг, притом одно, я назвал бы душевное здоровье, которое невольно переливается в читающего эти книги. (29) Отступают на второй план суета, нервозность, всякая мелочность, торопливость, мельтешение — всё, что мешает нам взглянуть вокруг ясными и спокойными глазами. (30) Если каждый из нас попытается присмотреться внимательно к своему собственному чувству родной земли, то он обнаружит, что это чувство в нём не стихийно, что оно организовано и культурно, ибо оно питалось не только стихийным созерцанием природы как таковой, но воспитывалось всем предыдущим искусством, всей предыдущей культурой.

(31) Любовь к родной земле воспитывали в нас Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Фет, Тургенев, А. К. Толстой, Некрасов, Лев Толстой, Блок, Есенин, Левитан, Поленов, Саврасов, Нестеров, Куинджи, Шишкин... (32) Так что же, разве на последнее место мы поставим в этих рядах (а они многочисленны) имя Сергея Тимофеевича Аксакова?

(По В. Солоухину)